

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 80/81

**СРЕДСТВА МАРКИРОВКИ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОГО
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЛЕЗГИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ***Г.И. Ахмедов***Аннотация**

В статье в сопоставительном аспекте на материале лезгинского и русского языков исследуется структурно-семантический тип коммуникативного высказывания – повествовательное предложение. Анализируется ряд типологически существенных особенностей с точки зрения средств маркировки модальных значений (уверенность, вероятность, возможность, долженствование, запрещение, неуверенность, сомнение, отрицание), выражаемых в повествовательных предложениях указанных языков.

Ключевые слова: повествовательное предложение, модальность, средства маркировки, лезгинский язык, русский язык, сопоставление.

Сопоставительное исследование коммуникативных типов высказывания в лезгинском и русском языках, выявление различных типов предложения, дифференцируемых по своей коммуникативной направленности, обнаруживает в типологически различных языках во многом универсальные черты. В то же время можно говорить о значительной вариативности синтаксических структур на уровне поверхностной реализации целевой установки говорящего, причём не только в межъязыковом, но и во внутриязыковом аспекте: каждый из сопоставляемых языков использует значительный арсенал морфологических или собственно синтаксических средств для передачи одного и того же исходного смысла. Систематическое сравнение способов оформления коммуникативных типов высказывания выявляет, кроме того, основные доминанты в синтаксическом моделировании каждого из сравниваемых языков, которые обусловлены, во-первых, принадлежностью лезгинского языка к эргативной типологии, а русского – к номинативной; во-вторых, доминированием в грамматической структуре лезгинского языка черт агглютинации, а русского – флексивности.

Тезис об универсальности коммуникативных типов высказывания в различных языках мира позволил нам сделать предположение об универсальности формальных средств, передающих семантику этих типов. Универсальной чертой, свойственной практически всем языкам мира, можно считать следующие

характеристики повествовательных предложений, которые, естественно, обнаруживаются и в рассматриваемых языках:

- повествовательные предложения обладают наиболее высокой частотой употребления;
- не имеют, как правило, специальных маркеров (хотя имеются языки, в которых выделяются специальные морфемы индикатива);
- характеризуются ровной, спокойной интонацией (за исключением восклицательных предложений).

При анализе повествовательного предложения мы исходили из тезиса, что формальная немаркированность повествовательного предложения не означает его содержательной немаркированности, отсутствия у него собственного положительного признака. Это видно хотя бы по тому, что повествовательное предложение определяется не негативным образом, а как имеющее собственное содержание: оно прежде всего сообщает о чём-либо.

В обоих языках в оппозиции повествовательных, побудительных и вопросительных предложений немаркированными являются повествовательные, которые, как правило, характеризуются формами индикатива глагола-сказуемого. Можно утверждать, что подобная ситуация является универсальной, однако сопоставительный анализ различных языков выявляет наличие специальных средств маркировки повествовательного предложения. Например, в хиналугском языке показателем индикатива в повествовательном предложении является *-маш*, в отличие от вопросительного предложения: *Киаши гъасым кичеб чидаш?* («У кого такая книга есть?»)¹ – *Йаш шаа даьдаш кичеб лаькшаш-маш* («Я своей матери книгу дал»).

Обзор употребления повествовательных предложений в лезгинских и русских текстах даёт основания выделить конкретные оттенки в их содержании. При этом полный перечень значений, передаваемых повествовательными предложениями, дать практически невозможно. Сравниваемые языки не имеют регулярных морфологических средств выражения данных значений (ср. в некоторых дагестанских языках категории заглазности, пересказывательности и др.). Модальные значения, выражаемые в повествовательных предложениях, и средства их маркировки крайне разнообразны. Остановимся подробнее на некоторых из них, на наш взгляд, типологически существенных.

1. Уверенность

«Положительная модальность» обычно выражается «нулевым» способом, однако может маркироваться специальными лексическими средствами. Уверенность говорящего в сообщаемом (а также противопоставление этих данных другим) подчёркивается близкими по значению наречиями *гъакъикъатда*, *дугъриданни* ‘на самом деле, в действительности’. Например:

Гъакъикъатда Етим Эмин Ялцугъар лугъудай хуърай тир (Л.Ф., с. 23).
Дугъриданни гъа гъин ктаб сувгъуърдин ктаб я (Л.Ф., с. 51).
– *Дувз лагъайтла, инал вун гъахъ я, Челеб, – меслятдал Бегди жсаваб гана* (А.А., с. 37).

На самом деле Етим Эмин был из селения Ялцуг.
На самом деле эта книга есть волшебная книга.
– **Говоря правду**, здесь ты прав, Челеб, – ответил на совет Бег.

¹ Здесь и далее перевод наш. – Г.А.

Для большей убедительности высказывания говорящий может использовать вводное слово *валлагъ* ‘ей богу’. Те же функции нередко выполняет частица *хъи*:

Амма, валлагъ, заз утаниши я (А.А., с. 30).

Заз адакай хъсан хабарар къвезва хъи
(А.А., с. 48).

Но, **ей богу**, я стесняюсь.

Ведь я получаю от него хорошие
известия.

В составе более широкого контекста предложения такого рода выполняют функцию дополнительной аргументации, доказательства истинности предшествующего предложения. Сравним:

Къванцикай рахайтIа, тахсир зид я.

*Жедай хъи завайни, вирида хъиз, гана
тул къачунайтIа* (А.Иsm., с. 18).

Если говорить о камне, моя вина.

Ведь мог бы, если бы как все, заплатив, купить.

Как видим, здесь второе предложение раскрывает смысл первого, указывает на факты, позволяющие судить о его истинности. Содержательная специфика подобных предложений приводит также к возможности их использования в диалогах, где передаваемые ими утверждения, как правило, служат контраргументом предшествующим высказываниям собеседника, то есть, на первый взгляд, несут противоположную семантику. Другой пример:

Вун зи лукI я. – Гила лукIар амач хъи!
(А.А., с. 69)

Ты мой раб. – Сейчас **ведь** рабов уже нет!

Видимо, в конструкциях, аналогичных приведённой выше, подразумевается сомнение в истинности слов собеседника, которое эксплицитно выражается предложением с частицей *хъи*. Рассмотренная выше семантическая специфика частицы *хъи* создаёт условия для её широкого употребления в вопросительных предложениях – риторических вопросах.

В связи с корреляцией повествовательных и вопросительных предложений отметим парадоксальный, на первый взгляд, факт: возможность функционирования повествовательного предложения в функции вопросительного. Пример:

– *Неужели братец едет? – Он самий. – Так ведь у него же путёвка вроде до половины июня?* (М.Ш., с. 73)

Парадоксальность ситуации заключается в том, что последняя реплика, будучи утверждением и тем самым повествовательным предложением, в то же время является вопросом: как данное утверждение может согласовываться с предыдущей противоречащей ему информацией.

Следует заметить, что ни для русского, ни для лезгинского языка не характерна категория, названная Р.О. Якобсоном *evidential* [1, с. 7]², которая затрагивает источник сведений о сообщаемом факте, а также характер получения информации. Интересно, что в ряде дагестанских языков находят специальное выражение оба аспекта данной категории. Например, в цезском языке имеется специальная форма прошедшего времени, выражающая достоверное неочевидное действие, когда говорящий либо получает информацию от других лиц, то есть источником информации является другое лицо, либо получает информацию о действии по косвенным признакам [3, с. 3]. В арчинском языке имеется категория заглазности, которая особенно «распространена в сказках при описании

² На русском языке см. [2].

совершающихся событий» [4, с. 228]. Арчинский язык также располагает средствами для передачи чужой речи, морфемой комментатива [4, с. 231]. Морфологические показатели с аналогичными функциями выделяются в аварском языке [4, с. 264].

В русском языке для передачи чужой речи используются вводные слова и предложения, например:

Но, по слухам, какая-то часть упорно сражалась под Каменском, не пропуская немцев на Лихую (Ф., с. 15).

Категорию комментирования в лезгинском языке рассматривают М.Е. Алексеев и Э.М. Шейхов [5, с. 108], отмечая, что это отношение передаётся именной формой зависимого глагола с суффиксом *-вал*:

Чи шаир Сулеймана лагъайвал, чубандиз дагъ ярашугъ я, агрономдиз – багъ (А.А., с. 41).

Къюд, адем тирвал, Волгадин къерехда мекъиди, къалин живер авайди хъанвай (С.М., с. 29).

Как говорил наш поэт Сулейман, чабану горы подходят, а садоводу – сады.

Зима, **как обычно** (букв. *обычай бывание*), на берегу Волги была холодной, с густыми снегами.

2. Вероятность, возможность

Из лексических средств лезгинского языка отметим такие модальные слова, как **мумкин** (я) ‘возможно’, **белки** ‘наверное’, ср.:

– Эвера, – лагъана пачагъди, – **белки**, гъадаз чир жен угъри (Л.Х.М., с. 102).

АкIятIа, мумкин я, чун Сталинграддин фронтидиз ракъурун, – лагъана Салмана (С.М., с. 67).

– Позовите, – сказал падишах, – **может быть**, он узнает вора.

– Если так, **возможно**, нас на Сталинградский фронт пошлют, – сказал Салман.

Специфической для лезгинского языка является конструкция со значением возможности:

...чидайбурувайни Рамазанан мажусдикай кичлевиляй лугъуз **жезвач** (Н.М., с. 128).

...а те, кто знал, не могли сказать из-за страха.

Ср. также использование в сочетании с **белки** ‘наверное’ вспомогательного глагола *жеди*:

– **Белки**, вун гъахъ я **жеди**, стха, за и лапаг күчу чубанривай къачунвайди я (Н.М., с. 55).

– **Может**, ты прав, брат, я эту тушу у ваших чабанов купил.

Сходными лексическими средствами выражается значение вероятности, возможности в русском языке:

Но Васька, видимо, не понимал, чего от него требовали, и стоял не двигаясь (Л.Т., с. 49).

– *Видел, наверное, кого-то, кто поразил его рассстроенное воображение* (Булг., с. 84).

Среди высказываний аналогичной семантики можно выделить подкласс предложений, в которых передаётся неуверенность говорящего в достоверности передаваемой им информации. Это значение может быть маркировано частицей *гуя*, *на лугъуди ‘как будто’*, например:

Гуж, вири лал я, – фикирна Алиди (Къ.М., с. 19).

Как будто всё тихо, – подумал Али.

В последующих примерах глаголы, выражающие семантику долженствования, усиливают уверенность в вероятности предполагаемого события:

*Чи полк къе-пака рекье гъатна **кланза*** (С.М., с. 24).

*Чун мукъвара душмандихъ галаз жен-герик экечун **лазим я*** (С.М., с. 29).

Наш полк сегодня-завтра **должен** от-правиться.

На днях мы **должны** вступить в бой с врагами.

Невозможность, естественно, выражается теми же средствами, но уже отрицательными формами:

Гатаз жеч ам лашуналди (С.С., с. 24).
*Душманар сакланы адал гъалиб **тежез хъана*** (Л.Ф., с. 78).

Нельзя избить его палкой.

Враги никак **не могли** победить его.

3. Долженствование

Средствами выражения семантики долженствования обычно являются предикаты *клан-* (в сочетании с деепричастием прошедшего времени смыслового глагола), *лазим*, *герек* (с вспомогательным глаголом-связкой):

*Къе ийфиз чна са къад, къанни цюд кило-метр рехъ атлан **кланза*** (С.М., с. 63).

Сегодня ночью мы **должны** пройти двадцать-тридцать километров.

Этот предикат может иметь при себе определённый субъект, как в предыдущем примере, или формировать безличную конструкцию:

*Жува недай са тике фу намусдалди тъуна **кланда*** (С.С., с. 49).

*Эгер итимдивай паб вердишиариз жезвачта, везифаяр дегишун **лазим я*** (Н.М., с. 94).

Свой насыщенный хлеб **надо** есть с честью.

Если муж не может приручить жену, **нужно** изменить задачи.

Возможно одновременное использование модальной долженствовательной конструкции и наречия со значением необходимости *герек* ‘нужно’:

*Зи рикI алай деве угъриири чуныухнава, герек чуныухай кас чирна **кланда*** (Л.Х.М., с. 27).

Моего любимого верблюда укради воры, **нужно**, чтобы ты узнал укравшего.

Ср. использование аналогичных предикатов в русском языке:

– Вам **надо** *выспаться*, Алексей Иванович (Кат., с. 48).

– Кукла **должна** *быть* исправлена к завтрашнему утру (Ол., с. 36).

4. Запрещение

В лезгинском языке запрещение выражается синтетическими формами глагола, образуемыми аффиксами: *-мир* (*фимир* ‘не ходи’), *т-* (*тавурай* ‘пусть не делает’), *фин тавурай* ‘пусть не ходит’), *-чи/-чни* (*фидач* ‘не пойдёт’, *фидачни* ‘не пойдёт?’). Ср.:

*Рекье пIанIрус чIугуна **виже къведач**, азиз дустар!* (С.М., с. 33)

*Абуруз далу гана **виже къведач*** (А.А., с. 110)

В дороге курить **не годится**, до-рогие друзья!

Их поддерживать **нельзя**.

Основное средство выражения запрета в русском языке – формы императива с отрицанием: **Не смотри этот фильм!** Наряду с этим грамматическим средством в русском языке существуют различные лексические средства выражения

запрета. К ним относятся *не нужно, нельзя, воспрещать, запрещать* и т. д. Например:

- *Не нужно его трогать!* – кричал он (Ол., с. 59).
- *На господ нельзя смотреть* с удивлением (Ч., с. 42).

5. Неуверенность, сомнение

Неуверенность в истинности высказанного предположения подчёркивается вводной конструкцией *низ чида* ‘кто знает’:

<i>Севре тухвана са гъина ятлани кучук-нани, низ чида</i> (Н.М., с. 68).	Медведь утащил и где-нибудь закопал, кто знает.
--	---

Модальное значение возможности может передаваться формами индикатива, а именно формами будущего (настоящего общего) времени. Об этом пишет Н.С. Алипулатова, сопоставляя указанную особенность лезгинского глагола с аналогичными английскими формами: «Следует указать также на значение, придающее модальный оттенок презенсу английского глагола. Это потенциалис, выражающий определённую способность, умение субъекта предложения с точки зрения говорящего. “Но, во всяком случае, он говорит по-английски” (т. е. умеет говорить)» [6, с. 36]. Данная функция потенциалиса, как мы видим, выражается формой настоящего индефинитного времени английского глагола и относится к сфере настоящего неактуального, поскольку здесь подразумевается потенциальная способность делать что-либо вообще, а не в момент речи.

Несколько иначе обстоит дело с лезгинским глаголом, так как функцию настоящего неактуального выполняет главным образом форма будущего времени. В связи с этим модальный оттенок потенциалиса передаётся посредством глагола в форме будущего времени. Например:

<i>Ширин сувъбетар Фаргъад бубади ахъайда</i> (С.М., с. 17).	Дедушка Фархад рассказывает (= умеет рассказывать) интересные истории.
--	---

Аргументом, подтверждающим обоснованность выделения значения потенциалиса, служит возможность замены индикативной формы конструкцией с модальным глаголом *мочь, уметь*.

Важно отметить большое сходство лезгинского глагола с русским в данной функции модальности, так как в русском языке значение настоящего неактуального в основном выражается так называемой формой настоящего будущего совершенного, реже формой настоящего несовершенного времени. Например:

Он силён, что угодно поднимает (= может поднять) (Ч., с. 137).

По нашим данным, лезгинские тексты дают достаточное количество примеров, подтверждающих это наблюдение. Например:

<i>Намус авачир инсанди вичин Ватан маса гуда!</i> (С.М., с. 49)	Бессовестный человек Родину продаст! (= может продать)
--	--

Это заставляет исследователей с несколько иных позиций подходить к грамматической интерпретации данной глагольной формы. В частности, В.А. Плунгян предлагает приписывать ей видовую (потенциальную) характеристику. Такое решение обосновывается следующим образом: «Глагольная система лезгинского языка приобрела бы большую стройность и логичность, если бы форма на *-да* была признана не временем, а особым видом – потенциалисом. Это позволило

бы легче объяснить целый ряд её “модализованных” употреблений (в сценических ремарках, в пословицах и т. п.), и прежде всего – гипотетические употребления, возникающие в сочетании с показателем прошедшего времени; иначе же приходится постулировать морфологический нонсенс “показатель будущего + показатель прошедшего”: ситуация не невозможная, но, вообще говоря, теоретически весьма неприятная. Наконец, “видовое” решение типологически естественно для дагестанского ареала, где “чистое” будущее представлено в очень слабой степени и, напротив, широко распространено именно “модализованное” будущее (из языков лезгинской группы очень характерны в этом плане арчинский и табасаранский)» [7, с. 149].

6. Отрицание

В лезгинском языке отрицание выражается с помощью следующих конструкций:

а) финитных глагольных форм, образующих отрицательные корреляты с помощью суффикса *-ч* или отрицательной связки *туш*:

<i>Чун пака гъуьрчез фидач</i> (А.Исм., с. 18).	Мы завтра не пойдём на охоту.
<i>Им завай эхиз жедай кар туши</i> (А.Исм., с. 6).	Этого я терпеть не буду . (букв. <i>Терпеть сущее дело не есть</i> .)

б) побудительных форм, образующих отрицательные (запретительные) корреляты с помощью префикса *ми-* (или суффикса *-мир*):

Шегъердин къерехдив ииф мийир. (Л.Х.М., с. 21). Около города **не ночуй**.

в) инфинитных форм, отрицательные формы которых маркируются префиксом *т-* (или же в ряде случаев вспомогательным глаголом с тем же префиксом):

Къе чна къаучун тавуртIa, пака чни къаучуна хутахда (Къ.М., с. 68).

Инiz килигна Къурбана, вичин эхир нефес жедайла, рухвайриз эверна ва абуруз къибле патахъ я сейирдиз, я гъуьрчез тефин веси авуна (Л.Х., с. 127).

Сегодня мы если **не возьмём**, завтра (они) сами возьмут и увезут.

Поэтому Курбан, когда пришло время его последнего вздоха, позвал сыновей, им в южную сторону ни на прогулку, ни на охоту **не ходить** завещание сделал.

Особенностью лезгинского языка является отсутствие усиливательных отрицательных частиц типа русского *ни*. В лезгинском отрицательном предложении в его роли выступает постпозитивный союз *-ни*, как бы образуя в сочетании с числительным-неопределённым местоимением *са* ‘один, некоторый’ отрицательное местоимение аналитической структуры. Например:

Къе абурукай заз садни акунач (разг.)
(А.Исм., с. 39).

Ви рикIивай садазни чимивал гуз хъжезмач (А.Исм., с. 96).

Сегодня я **никого** из них **не видел**.

Твоё сердце **никому** уже тепла дать **не может**.

Числительное *сад* ‘один’ может выступать и в качестве определения конкретного существительного, также служа средством усиления отрицания:

Са карни ада гъуьжет квачиз къилиз акъуддачир (А.А., с. 142)

Ни одного дела он без спора **не выполнил**.

*Тагырбег шегъердай экъечIайдалай
къулухъ са гафни раханвачир* (А.Исм.,
с. 85).

Заз са кепекни герек туи (А.А., с. 93)

Тагирбег после того, как выехали
из города, **ни (одного) слова не** сказал.

Мне **ни (одной) копейки не** нужно.

В русском языке употребление числительного *один* в подобных конструкциях регулируется лексико-семантическими свойствами определяемого слова: *В этом году он ни одной книги не прочитал*, где опущение числительного невозможно, и *Сегодня я ни (одного) рубля не истратил*.

Охарактеризованная выше лезгинская модель может быть дополнена существительным более или менее абстрактной семантики, которое, грамматикализуясь, в сочетании с названными выше элементами как бы превращается в местоимение. Заметим, что в ряде лезгинских грамматик принято выделять лишь одно отрицательное местоимение *садни* ‘никто’, ‘ничто’, ‘ни один’, употребляющееся в отрицательных предложениях. Например:

Сад лагъайди, за са затIни авунач
(Къ.А., с. 74).

Амма са касни адаз акунач (А.Исм.,
с. 39).

*Ви рикIивай садазни чимивал гуз
хъжезмач* (А.Исм., с. 82).

Во-первых, я **ничего не** сделал. (*затI*
‘вещь’)

Но он **никого не** увидел. (*кас* ‘человек’)

Твоё сердце **никому** уже тепла дать
не может. (*сад* ‘один’)

Формирующееся таким образом отрицательное местоимение может не только замещать конкретное существительное или другое местоимение, но и употребляться параллельно с ним, как бы образуя оппозитивную пару:

Сес чаз садазни чир хъанач (Н.М., с. 137). Голос **никто из нас не** узнал.

Как видно из примера, отрицательное местоимение располагается в постпозиции к «замещаемому» компоненту.

Усилиелем отрицания может быть также частица *гъич* ‘совсем (не)’, которая при этом в утвердительных предложениях не употребляется. Данная частица может, с одной стороны, дополнять вышеприведённые модели, с другой – служить для усиления отрицательной семантики самостоятельно:

Къвализ гъич са касни гъимир! (Л.Х.,
с. 175)

*Гъамида вичин пай кутун патал гъич са
гъерекатни авуначир* (А.А., с. 64).

В дом **никого** (= **совсем ни одного человека**) **не** приводи!

Гамид, чтобы свою долю внести, **никаких** действий **не** предпринимал.

В вышеприведённых примерах данная частица может выступать в функции определения при именных членах предложения. Кроме того, она широко функционирует и в роли наречия при глаголе-сказуемом:

*Абакараз вичин дустунин и гафар гъич бе-
генмиши жезвач* (Н.М., с. 73).

Вак гъич гъакимдин ухшар квач (А.А., с. 87).

Гъич рикIел хуъз жезвач! (А.А., с. 116)

Абакару эти слова своего друга **совсем не** понравились.

Ты **совсем не** похож на начальника.

Никак не могу запомнить!

В лезгинском языке, в отличие от русского, отсутствует специальная отрицательная частица, передающая семантику разделительности, наподобие повторяющейся частицы *ни* в русских отрицательных предложениях. Соответственно, в лезгинском языке эта функция передаётся, как и в утвердительных предложениях, повторяющимся союзом *я... я* ‘или... или’, что, на наш взгляд, лишний раз

свидетельствует о значительном параллелизме между положительными и отрицательными предложениями:

Чаз я күн, я күв савкъатар герек туши Нам **ни** вы, **ни** ваши гостицы **не** нужны.
(Н.М., с. 105).

Я телефондин, аквадай гъаларай, я связнорин алакъани авач (С.М., с. 26). **Ни** телефонной, как видно, **ни** через связного связи **нет**.

Ряд особенностей наблюдается в построении частноотрицательных предложений. Так, в лезгинском языке не отмечены такие конструкции, когда отрицательная частица занимает позицию перед соответствующим компонентом предложения. Здесь возможно лишь построение частноотрицательных предложений с противопоставлением, с повтором положительной формы глагола при противопоставляемом слове:

Им накъв туши, къизил я (А.Исл., с. 28). Это **не** земля, **а** золото.

Возможной оказывается также конструкция предложения, в которой первый (реже второй) член противопоставления маркируется постпозитивным союзом *ваъ* ‘нет’:

<i>Ана сад ваъ, пуд танк ава, старший лейтенант!</i>	Там не один, а три танка, старший лейтенант!
(С.М., с. 17)	
<i>Пака ваъ, мульку юкъуз чун къведни яйлахдиз фида</i> (Н.М., с. 109).	Не завтра, а в другой день мы оба на пастбище поедем.
– Вуна сад ваъ , къве лапаг къачунва (Н.М., с. 94). Чиди фитне хъана, види ваъ , яни?! (К.А., с. 49)	– Ты не одну, а две туши купил. Что ли наша клевета, а не твоя?!

Сходная конструкция используется для выражения отношения дополнения, присоединения с использованием частицы *тек* ‘только’:

Ада тек са парталар ваъ, иличнавай стулни кудайди, инсандин якъарни кваз алаждайди адан фикирдани авач (Н.М., с. 106). О том, что она [кислота] **не только** одежду, **но и** стул прожжёт и человека повредит, он не подумал.

Для усиления отрицания оно может быть перемещено в конец предложения:

Вири замарикай тух жеда, тухвай уьмуърдикайни тух жеда, пулдикай ваъ (Н.М., с. 107). Любой вещью насытится, сытой жизнью насытится, деньгами же **нет**.

Двойное отрицание в лезгинском языке встречается редко. Как показывают примеры, оно выполняет функцию усиления положительной семантики:

...за зи гъульувни къелиз тун тавуна тач (Л.Х.М., с. 63). ...и я своего мужа учиться **заставлю** (= **не заставил, не оставил**).

К этому явлению, по-видимому, не относится использование отрицательных форм главного и зависимого глагола в пределах одного предложения:

Рехъ алатун яни руъгъдин сефилвал? **Является ли** грустью духа потеря дороги? *Рехъ вериверд тавун тушни сефигъвал?* **Не является ли** глупостью **необдумывание** дороги?

В приведённом примере отрицательная семантика сказуемого нейтрализуется наличием вопросительной частицы.

В определённых ситуациях отрицательное предложение может по существу передавать положительные значения, являясь средством экспрессивного усиления:

Чаз исятда колхоздин хиперив финилай менфяту кар авач (Н.М., с. 37). Для нас сейчас **нет** более выгодного дела, чем колхозных овец пасти.

Данное предложение легко может быть трансформировано в положительное:

Чаз исятда колхоздин хиперив фин виридалай менфяту кар я. Для нас сейчас наиболее выгодное дело – колхозных овец пасти.

Таким образом, диапазон модальных значений, выражаемых в повествовательных предложениях сравниваемых языков, весьма широк: от обозначения уверенности, убеждённости до сомнения и полного отрицания возможности упоминаемого события. Категория отрицания занимает особое положение среди модальных значений. В оппозиции утвердительных и отрицательных предложений как в русском, так и в лезгинском языке утвердительные предложения не имеют специальных средств выражения. Отрицательное предложение в своей структурной схеме опирается на соответствующее утвердительное, маркируясь специальными показателями отрицания. Однако в конкретных средствах построения отрицательных предложений сопоставляемые языки имеют ряд расхождений: наличие вспомогательного глагола, отрицательных местоимений в русском языке, разнообразие показателей отрицания, обусловленных различными формами времени и наклонения глагола, в лезгинском языке и др.

Summary

G.I. Akhmedov. Ways to Mark Declarative Sentences in the Lezgian and Russian Languages: A Comparative Aspect.

Comparative study of the structural and semantic type of communicative statements (declarative sentences) is presented in the paper. A number of features that are typically significant for marking modal values (confidence, probability, possibility, necessity, prohibition, uncertainty, doubt, and negation) as expressed in declarative sentences of the studied languages are analyzed.

Keywords: declarative sentence, modality, marking tools, Lezgian language, Russian language, comparison.

Источники

- А.А. – *Агаев А.* Расколотое солнце. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1993. – 262 с.
- А.Иsm. – *Исмаилов А.* Счастье земли. – Махачкала: Даг. кн. изд-во 1991. – 126 с.
- Булг. – *Булгаков М.А.* Собрание сочинений: в 5 т. – М.: Худож. лит., 1990. – Т. 3. – 703 с.
- Кат. – *Катаев В.П.* Алмазный мой венец. – М.: ДЭМ, 1990. – 272 с.
- Къ.А. – *Акимов К.* Трудное счастье. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1987. – 238 с.
- Къ.М. – *Меджидов К.* Глубинные родники. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1982. – 368 с.
- Л.Т. – *Толстой Л.Н.* Избранное. – Л.: Лениздат, 1976. – 664с.
- Л.Ф. – *Лезгийрин фольклор.* – Махачкала: Даггосиздат, 1941. – 276 с.
- Л.Х. – *Литературадин хрестоматия.* IV кл. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1976. – 179 с.

- Л.Х.М. – Лезги халкъдин махар. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1968. – 235 с.
- М.Ш. – *Шихвердиев М.* Встреча: Повести и рассказы. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1986. – 319 с.
- Н.М. – *Мирзоев Н.* Вернитесь на родину. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1992. – 220 с.
- Ол. – *Олеша Ю.* Три толстяка. – СПб.: Северо-Запад, 1993. – 160 с.
- П.Ф. – *Фатуллаева П.Б.* Знаки: стихотворения и переводы. – Махачкала: Мавел, 2011. – 372 с.
- С.М. – *Минхаджев С.* Швы на сердце. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1993. – 139 с.
- С.С. – *Стальский С.* Земли богатство. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1987. – 251 с.
- Ф. – *Фадеев А.А.* Разгром. – М.: Сов. Россия, 1987. – 147 с.
- Ч. – *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – М.: Наука, 1984. – Т. 5. – 362 с.

Литература

1. Jakobson R. Shifters, verbal categories and the Russian verb. – Harvard: Harvard Univ.: Dep. Slavic Lang. Lit.: Russian Lang. Proj., 1957. – 14 p.
2. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972. – С. 95–114.
3. Раджабов Р.Н. Глагольное словоизменение в цезском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1992. – 21 с.
4. Кибрек А.Е., Кодзасов С.В., Оловянникова И.П., Самедов Д.С. Опыт структурного описания арчинского языка: в 3 т. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – Т. I. – 362 с.
5. Алексеев М. Е., Шейхов Э. М. Лезгинский язык. – М.: Academia, 1997. – 136 с.
6. Алиуплатова Н.С. Модальные оттенки форм презенса в лезгинском и английском языках // Актуальные проблемы русского и дагестанских языков: Сб. ст. преподавателей, молодых учёных и аспирантов. – Махачкала: ДГПУ, 1997. – Вып. 1. – С. 35–37.
7. Плунгян В.А. [Рец. на кн.: Haspelmath M. A grammar of Lezgian] // Вопр. языкоznания. – 1994. – № 3. – С. 146–150.

Поступила в редакцию
11.06.15

Ахмедов Герман Ибрагимович – доктор филологических наук, профессор, директор Института менеджмента и коммуникации, Технический университет, г. Кемниц, Германия.

E-mail: german.akhmedov@sz.tu-chemnitz.de; akhmedov1@rambler.ru